

зовалась для переноски бетонных кубов, из которых сооружался саркофаг разрушенного энергоблока.

Рабочий день для личного состава нашей группы делился на две смены. Подъём в четыре часа утра, а заканчивался к двадцати четырем часам. Это позволяло сохранить работоспособность личного состава и максимально использовать авиационную технику без ее простоя.

Каждый экипаж за смену должен был выполнить 10-12 вылетов с площадки заправки или площадки подцепки груза.

Я выполнял полеты с экипажем майора В. Колкунова, прибывшего из Забайкальского военного округа. Летали на обработку жидкостью площадей и разрушенного энергоблока. Вылет на полив площадей напоминал работу сельхозавиации при обработке полей.

В 6 часов утра все вертолеты группы после предполетной подготовки и указаний вылетали на площадку загрузки, расположенную в 15 километрах от АЭС. Заправка раствором производилась оперативно – одновременно к вертолету подходили 5-6 заправщиков. На заправку 18 тонн раствора уходило 15-20 минут. Выход в район работы выполняли на высотах 300-400 метров. На этой высоте дозиметрический бортовой прибор показывал не более 10 рентген облучения. Снижались в заданный квадрат с уменьшением скорости до 80 километров в час. На высоте 100-120 метров штурман предупреждал о появлении на земле вихря от отбрасываемого винтом потока воздуха. Увеличивали высоту полёта на 10-20 метров и начинали сброс раствора. Шесть бортовых насосов справлялись с этой задачей за 6-7 минут.

В последующем, когда уровень радиации уменьшался до допустимых норм, образовавшуюся после полива плёнку снимали вместе с грунтом и вывозили наземные команды ликвидаторов.

Полёт на обработку раствором разрушенного энергоблока выполнять было сложнее. Расположение труб, конфигурация здания, направление ветра не всегда позволяли выполнение полёта на малой высоте в небольшом секторе. Перед полётами на обработку разрушенного энергоблока производили разведку на вертолёте Ми-8 для изучения ориентиров по курсу захода.

В те дни разрушенный реактор периодически, через 12-15 часов, производил выброс накопившейся внутри него энергии. Это определялось наблюдением с дальности 10-15 километров

появляющегося над энергоблоком серовато-белого столба, который поднимался на высоту 500-600 метров.

Погода стояла жаркая, что снижало грузоподъемность и маневренность вертолётов. Площадки загрузки вертолётов были очень пыльные. Наземные специалисты и летный состав имели респираторы, но их количество было ограничено и не позволяло своевременно менять на новые.

Вылет на обработку энергоблока с разрушенным реактором выполняли в утренние часы, когда он «спит», то есть выбросы были маловероятны. Проверяли качество укладки свинцовых пластин на полу кабины, уточняли, заменены ли фильтры, через которые подаётся воздух в кабину после её герметизации, и запускали двигатели.

При подлёте к энергоблоку хорошо была видна его крыша. Она безлюдна, хорошо виден отказавший «робот», пролом с обрывками парашютов, на которых сбрасывали свинец и другие компоненты. Штурман подавал команды, уточняя курс захода. Бортовой техник докладывал о работе силовых и показания дозиметрического прибора. В момент пролёта он показывал уровень радиации до 800 рентген/час. Пролёт выполняли с таким расчётом, чтобы винт вертолёта прошёл на 5-10 метров выше трубы.

Первый мой заход на цель, по докладу руководителя полётов, был, как первый блин, «комом», мы «мажем». Поток раствора лег мимо пролома. В последующих заходах сбрасываем груз

точно.

После окончания полётов наша смена возвращалась на аэродром базирования, уточняла задачи на следующий день и приступала к подготовке для их решения.

В те дни руководящий состав авиации округа осуществлял на практике различные мероприятия по сохранению работоспособности личного состава. Это были регулярная замена специалистов, оснащение мест базирования авиации обмундированием (сменным), средствами дезактивизации. Как я уже писал, пол кабины всех вертолётов был покрыт пластинами свинца, который регулярно, по мере накопления радиации, заменялся. Площадки загрузки регулярно поливались для уменьшения пылеобразования, вертолёты после окончания полётов, несмотря на позднее время (23 часа), тщательно промывались от радиактивной пыли на специальных площадках. Время показало, что этих мероприятий оказалось недостаточно для полного сохранения здоровья всех ликвидаторов, но в то же время многим это позволило выполнить задачу по прекращению распространения заражения и в конечном итоге сохранить свою жизнь и жизнь многих людей.

Впоследствии, в январе 1987 года, мой вертолет как полностью выработавший летный ресурс был мной доставлен в Кировское авиационное техническое училище и установлен на учебной площадке как практическое пособие для изучения курсантами – будущими авиационными техниками.

Владимир Биндюк,
заместитель директора
Курганского МПГПТ

Двадцать шестого апреля 1986 года. Шел обычный рабочий день. И никто из нас еще не знал, что случилась страшная беда. Чернобыль.

С этого дня начался новый отсчет времени для многих людей.

Когда меня призвали на военные сборы, не было даже мысли о чернобыльской трагедии. Она появилась тогда, когда нам предложили пройти углубленное медицинское обследование, когда сказали, что это особый набор. Наконец, четко сказали – Чернобыльская АЭС. Можно было отказаться – возраст, семья, работа. Но все мы, около сорока человек зауральцев, ни минуты не колебались – в крови русского человека всегда живет высокое чувство долга.

Карантин в Чебаркуле, последние приготовления, обмундирование, снаряжение и поездом до Гомеля. А дальше наш родной 29-й Уральский полк химической защиты. Сразу скажу, что вокруг 30-ти километровой зоны располагалось более ста военных спецподразделений.

Только прибыв на место, я понял на самом деле, какая страшная беда произошла. Брошенные поселки и города, мощные предприятия, вереницы автомобилей на улицах, страшный рыжий сосновый бор, трава почти в рост человека, белые грибы-мутанты по 2-3 килограмма, одичавшие собаки... Грохот танков, рев моторов мощных автомобилей, постоянно барражирующие над головой вертолеты, знаки “Проход запрещен”, “Заражено”, колючая проволока...

Все по-военному четко – дисциплина, режим, боевые зада-

чи, контроль за выполнением, результат – итог.

Радиация – страшный враг, невидима, без вкуса и запаха, ее не пощупаешь рукой и не отодвинешь в сторону техникой. Она везде. И боролись с ней отчаянно, мужественно, без страха и упрёка. Каждую минуту, каждый час, круглосуточно. Одновременно работали на объектах до 20-22-х тысяч солдат и офицеров. Со всех концов Советского Союза – москвичи, ленинградцы, воронежцы, челябинцы, свердловчане..., русские, белорусы, эстонцы, казахи, украинцы... Наверное, так было и в Великую Отечественную войну – бились с бедой одним плечом, одним стремлением, одним сердцем разведчики – дозиметристы, химики, пожарные, саперы, автомобилисты... За 30-ти километровой зоной, рядом со станцией, на самой ее крыше. Там, куда не могла пройти техника, роботы, шли люди. В противогазах, “лепестках” – респираторах, свинцовых костюмах. Работали от нескольких минут (такой уровень радиации!) до нескольких часов, одна смена за другой, постоянно, непрерывно, днем и ночью.

Мы с напарником, тоже курганцем, Сашей Емельяновым на мощном КРАЗе – кране разгружали разные грузы с платформ – песок, бетон, асфальт, глину, оборудование. Рыли огромные траншеи и “хоронили” в них зараженный лес, грунт, технику, те же свинцовые костюмы, в которых работали люди, разобранные дома... Лежит сейчас это все под толстым слоем земли, и не дай бог кто-нибудь докопается до этого.

Меня особо поразило одно место. В семистах метрах от аварийного четвертого блока АЭС растет сосна – крест. Это дерево свидетель двух трагедий – в Великую Отечественную войну фашисты вешали на ней партизан, даже крючья для веревок сохранились до нашего времени, оно же – свидетель ядерной катастрофы. Этот горький знак, сосна, соединял разные поколения наших людей во времена общего горя.

Конечно, отселены были все местные люди, но несмотря на запреты, колючку, оцепление, нет-нет да встречали бывших жителей, которые приходили “посмотреть на свое родное гнездо”. Их тоже можно понять – десятки лет жили несколько поколений и вдруг... Мы помогали таким людям всем, чем могли: своим участием, пониманием их горя, словом и делом, продуктами. Кстати, масло, фрукты сколько хочешь, вода только минеральная. Что касается слухов, что мол, водку выдавали стаканами, врут все, только непонятно, кому это нужно было, чтобы очернить

людей, боровшихся с общим несчастьем.

Там я находился без малого три месяца. Больше двадцати раз работал на самой станции. Строго по времени смена, пока позволяли медики. Почти всегда рядом со мной находились мои земляки Александр Емельянов, Вячеслав Хотенов, воркутинец Владимир Стребеж, Владимир Голубев из Ижевска, другие ребята, с которыми до сей поры поддерживаю дружеские отношения.

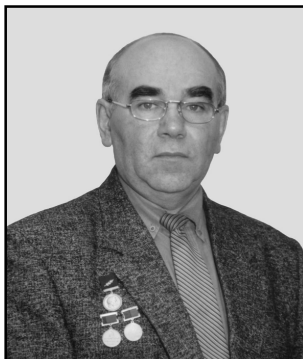
Все дальше уходит день чернобыльской трагедии. Но ничего не забывается. Наверное, так уж устроен человек – общая беда и горе сплачивают людей, без страха и сомнения они приходят на помощь друг другу.

Конечно, работа эта не прошла даром для нашего здоровья: некоторых ребят уже нет, другие стали инвалидами, для третьих любое изменение погоды заставляет браться за аптечки.

Есть скорбный знак у храма Александра Невского, на который заносятся фамилии тех земляков, кто своим сердцем и телом закрывал чернобыльскую трагедию. Редкий день не увидишь около него людей, и всегда лежат живые цветы.

Иван Манило,
*Действительный член
Международной академии
наук экологии и безопасно-
сти жизнедеятельности,
заслуженный изобрета-
тель РФ, лауреат медали
имени академика В.А.Лега-
сова, майор запаса*

ЗАУРАЛЬСКОЕ ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

*“Человек есть мера всех вещей”
Протагор*

Чернобыльская авария 1986 года потрясла весь мир. Тогда радиоактивному загрязнению подверглось около 150 тысяч квадратных километров территории России, Белоруссии и Украины. Кроме этого, 45 тысяч квадратных километров радиационно загрязненных территорий пришлось на страны Европы. Эти сухие цифры показывают масштабы беды в одной из наиболее густонаселенных частей Европы. Ущерб, нанесенный здоровью населения на загрязненных территориях, здоровью моих родных и близких, которые и сейчас проживают в Киевской и Черкасской областях, здоровью зауральцев, принимавших участие в ликвидации последствий аварии, вряд ли когда-либо будет полностью оценен. Какую цену заплатили геройские парни, первыми прибывшие на территорию АЭС? Какую цену уже заплатили десятки тысяч ликвидаторов Чернобыльской катастрофы и какую еще придется заплатить будущим поколениям за генетические последствия радиации на людей и окружающую природную среду?

Наступило время, когда никто не имеет права не давать объективную информацию обществу об экологической опасности для населения.

Пользуясь представленной возможностью, не могу не вспомнить военных, которые первыми прибыли на укрощение ядер-

ных сил, кого я знал и знаю лично. Это бывший Начальник Управления химических войск Министерства Обороны СССР генерал-полковник технических войск В.К.Пикалов, командир полка химической защиты, который первым прибыл на Чернобыльскую АЭС, полковник Валерий Петрович Капашин (ныне начальник Федерального Управления по безопасному хранению и уничтожению химического оружия, генерал-лейтенант, доктор технических наук), мои сослуживцы по 97-му отдельному батальону химической защиты. В их числе, командир полка химической защиты, который последним выведен из зоны Чернобыльской АЭС, ныне полковник в запасе Александр Степанович Иноземцев. Они тоже оплатили своим здоровьем снижение радиационной опасности моих земляков. Спасибо им за самоотверженный ратный труд!

В настоящей книге не идет речь о пагубных последствиях действий ряда работников АЭС или о причинах нравственного характера, способствовавших аварии и усугублению ее последствий со стороны лиц прямо или косвенно причастных к одной из самых страшных радиационных катастроф “Хиросима и Нагасаки – Кыштым – Чернобыль”.

Книга показывает, что Чернобыльская катастрофа явилась тягчайшим испытанием стойкости и духа советских людей, участвующих в ее ликвидации. Она родила множество героев и множество подвигов в мирное для всех нас время. И у меня лично, и у моих родных и близких глубочайшее уважение вызывали и вызывают самоотверженные и мужественные действия тысяч участников ликвидации последствий Чернобыльской аварии, в числе которых наши славные земляки - зауральцы. Их участие в этом не только достойно самой высокой похвалы и благодарности, но и постоянного внимания к их нуждам и здоровью.

Прошло около семнадцати лет с той роковой и трагической точки отсчета, когда за тысячи километров от Зауралья случилась страшная беда, которая так или иначе коснулась каждого из нас. Первые годы после случившегося нам давали дозированную официальную информацию о действительных причинах и масштабах катастрофы. Теперь другие условия, когда можно в полный голос поразмышлять о несоответствии между огромнейшей мощностью ядерных сил, оказавшихся в руках человека, и неизменными нравственными критериями, о недоразвитом чувстве ответственности тех людей, которые являются прямыми ви-

новниками страшной трагедии, о героизме простых людей, воинов Вооруженных сил, офицеров запаса и гражданских специалистов.

Представляется, что герои настоящей книги в минуты спокойных раздумий еще не раз вспомнят экстремальные ситуации Чернобыля. Вместе с ними поразмышляем и мы. И конечными пунктами наших размышлений будут не только признательность и искренняя благодарность участникам ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы за их мужество, высокую нравственность, но и размышления и действия, чтобы подобного не произошло завтра, ведь действуют подобные АЭС и сегодня, хранятся огромные запасы химического и другого, подобного ему, оружия. Что только представляет Щучанский арсенал химических боеприпасов. Безусловно, они должны быть обезврежены, но работы, даже подготовительные, по их ликвидации должны быть подконтрольны общественности, увязаны с широким информированием и обучением населения на все, даже самые непредвиденные, случаи. И это сейчас проводится и в нашей области, и в местах, где такие хранилища имеются.

ЗАУРАЛЬЦЫ - *ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС*

